

А.Г. Сонин

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА В РОССИИ

Проект «Когнитивная лингвистика» представляется сегодня самым успешным, самым динамичным, самый значимым проектом в отечественном языкознании нового тысячелетия. Менее чем за семь лет – с момента появления Российской ассоциации лингвистов-когнитологов (далее – РАЛК, 2003) – в стране создано около пятидесяти региональных отделений, насчитывающих несколько сотен членов. С 2004 г. в России выпускается ежеквартальный журнал «Вопросы когнитивной лингвистики», попавший в перечень ведущих рецензируемых научных изданий ВАК. Регулярно выпускаются сборники научных трудов РАЛК в серии *Когнитивные исследования языка* и *Studia linguistica cognitiva*. Проводится Международный конгресс по когнитивной лингвистике (2006, 2008), в работе которого уже приняли участие создатели самых известных концепций в этом направлении (Л. Талми, Ж. Фоконье). Защищены сотни кандидатских и десятки докторских диссертаций, исследующих различные явления языка с позиций когнитивной парадигмы. Таким образом, по всем внешним признакам период первичного становления когнитивной лингвистики в качестве отдельной области отечественного языковедения завершен, и пришло время первых оценок содержательных аспектов новой парадигмы.

В рамках содержательного анализа отдельного внимания заслуживают следующие вопросы: (1) В чем состоит специфика предмета и методов когнитивной лингвистики? (2) Каковы философско-методологические основы когнитивной лингвистики, и как они повлияли на ее распространение в России? (3) Что в теоретических построениях основоположников когнитивной лингвистики позволило этому направлению получить столь горячий прием в отечественной науке? (4) Какие направления в отечественном языкознании подготовили столь динамичное развитие когнитивной лингвистики в нашей стране? (5) Есть ли основания говорить о специфике отечественной версии когнитивной лингвистики? (6) Каковы ближайшие перспективы развития этого направления в России?

Каждый из перечисленных вопросов, конечно, заслуживает особого текста. В этой статье будет представлены лишь общие впечатления автора от предложений и установок, озвученных ведущими отечественными лингвистами-когнитологами.

Истоки когнитивной лингвистики

Недвусмысленный ответ на вопрос о происхождении отечественной когнитивной лингвистики дает президент РАЛК Н.Н. Болдырев:

«В отечественном языкознании когнитивный подход к исследованию языка в его современном понимании стал результатом естественного развития преимуще-

ственно ономаσιологической теории, или теории номинации (работы Е.С. Кубряковой и др.), которая послужила основной теоретико-методологической базой и важнейшей предпосылкой для формирования нового научного направления. Значительное влияние на формирование данного подхода оказали также другие семантические теории, в том числе семасиологическая теория, или подход (Ю.Д. Апресян, М.В. Никитин), теории логического анализа языка (Н.Д. Арутюнова и др.), семиологической грамматики (Ю.С. Степанов), речевого мышления (С.Д. Кацнельсон), функционально-семантических полей (А.В. Бондарко), герменевтики (Г.И. Богин), психолингвистические концепции речевой деятельности (А.Р. Лурия, А.А. Леонтьев) и другие» [1: 22].

Приведенная цитата позволяет заключить, что когнитивная лингвистика в России не связана по своему происхождению с одноименным направлением в зарубежном языковедении (*cognitive linguistics*). Последнее позиционирует себя в качестве альтернативы концепциям Л. Блумфилда и Н. Хомского и пропагандирует исследования лингвистической семантики с опорой на идеи когнитивистики второй волны.

Еще более четко идея размежевания выражена в текстах самого создателя базовой теории – Е.С. Кубряковой, которая полагает, что в мире существует две «линии развития когнитивизма – у нас в стране и за рубежом», и эти линии «в значительной степени разошлись и оказались достаточно самостоятельными» [3: 6].

Несколько иную траекторию становления когнитивной лингвистики рисуют З.Д. Попова и И.А. Стернин в (вероятно, самом популярном) учебнике, представляющем это направление. Названные авторы полагают, что предмет когнитивной лингвистики был намечен уже в первых теоретических трудах по языкознанию в XIX в., отдельно упоминая идеи отечественных ученых – А.А. Потебни и И.А. Бодуэна де Куртенэ. Сама же когнитивная лингвистика выступает в тексте учебника одним из этапов в изучении отношений языка и мышления, вписываясь в следующую линию развития: нейрофизиология (П. Брока, К. Вернике, И.М. Сеченов, В.М. Бехтерев, И.П. Павлов) – нейролингвистика (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия) – психолингвистика (от Ч. Осгуда до Ю.Н. Караулова) – когнитивная лингвистика [5]. Очевидно, что при таком представлении когнитивной лингвистики упор делается в большей степени на ее преемственность, чем на ее отличие от других известных концепций. Ключевые идеи нового направления во многом сводятся к уже известным, близким отечественной науке. Показательна в этом отношении ссылка на работы Е.В. Рахилиной, соотнесшей терминологию американских лингвистов-когнитологов и московской семантической школы Ю.Д. Апресяна [6; 7] и продемонстрировавшей их родство.

Другими словами, из высказываний наиболее известных в анализируемом направлении специалистов можно заключить, что на рубеже веков в нашей стране появляется новое лингвистическое направление, которая заявляет о себе как о когнитивной лингвистике, принимая название уже су-

ществующего на Западе и динамично развивающегося направления науки о языке, но которая при этом исповедует иные принципы и занимается иным, но сопоставимым предметом. Это заключение нуждается, однако, в некоторых уточнениях.

Во-первых, не совсем ясна при таком понимании отечественной когнитивной лингвистики роль знаменитого «Краткого словаря когнитивных терминов» [4]. По заявлению главы школы Е.С. Кубряковой, «на словаре выросло целое поколение ученых, впервые познакомившихся с когнитивной наукой и когнитивной лингвистикой по этому словарю и благодаря ему заинтересовавшихся этими новыми науками» [3: 6]. При этом, как известно, в словаре толковались не термины теории номинации, а понятия и категории западной когнитивистики. Более того, толкование понятий выполнялось с позиций западных авторов, а не через призму определенной отечественной концепции. Нередко в словарных статьях приводится сразу несколько определений, не дополняющих друг друга, а в явной форме конкурирующих, что снижает статус обсуждаемой работы как терминологически основополагающей. К тому же словарь как перечень терминов в принципе не может заменить собой теоретическую концепцию, призванную продемонстрировать место каждого из терминов в системе. «Взращивание» целого поколения лингвистов-когнитологов на «Кратком словаре...» сродни подготовке целого поколения лингвистов-структуралистов на базе «Словаря лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и соавторов.

Во-вторых, отечественная ассоциация, стремясь поддерживать контакты с самыми известными представителями когнитивной лингвистики за рубежом (в частности приглашая их на свои конференции), создает имидж научной школы, тесно связанной (в том числе – идеологически) с мировым сообществом лингвистов-когнитологов, что отчасти расходится с процитированными заявлениями ее лидеров.

В-третьих, непонятны мотивы использования термина «когнитивный» для названия школы. Это выглядит явным казусом если не в теории, то в практике номинации, особенно с учетом того, что, по словам самого автора теории, термин «когнитивный» значит «связанный с когницией, с процессами и результатами познания» либо «реализующий исходные установки когнитивной науки».

Таким образом, за внешними успехами институционализации когнитивного направления в российском языкознании скрывается не совсем ясная теоретическая платформа. Остается без четкого ответа вопрос о том, выступает ли новая школа преемницей отечественного языкознания, опирающейся на концепции перечисленных выше авторов, или, как на Западе, она порождена попыткой двойного разрыва (с американским дескриптивизмом и с алгоритмическим подходом хомскианской лингвистики), предпринятой калифорнийскими учеными, вероятно, никогда не читавшими работы А.А. Потебни и Е.С. Кубряковой.

Методология когнитивной лингвистики

Изучение философских оснований когнитивной лингвистики в ее отечественном варианте заставляет склониться к версии об ее укорененности в отечественной традиции.

Обычно при возникновении нового направления серьезная работа его представителей направлена на философское обоснование его новизны, на позиционирование оригинальных идей в контексте существующей конъюнктуры. В случае с когнитивной лингвистикой такой работы не наблюдается (если не считать текстов А.В. Кравченко, осваивающего в исследовании языкового материала идеи относительно маргинальной – в том числе и на Западе – теории аутопоэза).

Методологическая «беззаботность» наиболее влиятельных представителей отечественной когнитивной лингвистики выглядит вполне последовательной. Если продвигаемое ими направление берет свои истоки в трудах отечественных ученых, как это отмечается в процитированных выше текстах, то проблема методологического обоснования в значительной степени снимается, поскольку базовые теории уже прошли необходимую проверку, подверглись в свое время философско-методологической рефлексии и стали частью традиции.

Если бы речь шла об оригинальном западном подходе к когнитивному анализу языка, ситуация была бы диаметрально противоположной. Постулаты когнитивной лингвистики на Западе содержали довольно жесткое отрицание онтологических и гносеологических установок предшественников. Такой радикальный сдвиг не мог произойти без серьезного исследования философских вопросов. Более того, поскольку когнитивная лингвистика исходит из установки на описание и объяснение языка через придание ему статуса познавательной функций человека и через утверждение его имманентного единства с другими такими функциями, содержание языковых единиц больше не мыслится в отрыве от сложнейшего устройства памяти человека, от специфики работы его внимания, от механизмов его восприятия и многих других проблем когнитивных наук. По этой причине философским (связанным с философией познания) становится буквально каждый ключевой вопрос этого направления. Другими словами, заниматься когнитивной лингвистикой без позиционирования ее концепций по отношению к философии познания, наверное, бессмысленно. Так, изучение лингвистической семантики на основе введения понятий «концепт» или «фрейм» предполагает предварительное разъяснение позиции автора по вопросу онтологии психической реальности, по проблеме дуализма, подразумевает его подключение к дискуссии о природе ментальной репрезентации. В противном случае использование названных понятий уводит автора за пределы научного, рационального исследования языка.

Как бы настойчиво ни выводила отечественная когнитивная лингвистика свои позиции из теорий российских авторов, ее представители посто-

янно прибегают к понятиям «концепта» и «фрейма» (и им подобным) для анализа значения языковых единиц. Однако при этом никак не осмысливается проблема статуса теорий, в которых концепты и фреймы выступают орудием объяснения функционирования языка. Существование названных концептуальных объектов (а также сопоставимых с ними «ментальных пространств», «семантических сетей» и других) выводится из анализа речевых паттернов. Поэтому все теории, объясняющие язык на основе использования этих понятий, – это так называемые теории *post hoc*, теории с минимальной объяснительной силой. Когнитивная лингвистика может лишь допускать возможность существования концептуальных объектов и гипотетически приписывать им определенные свойства и функции, используя данные анализа языка. Однако исследователи сначала выводят с опорой на язык эти гипотетические ментальные структуры, а затем ими же и объясняют построение тех самых речевых произведений, из которых они были выведены. Это создает порочный круг, не позволяющий ни подтвердить произведенные таким образом теоретические построения, ни опровергнуть их. Отсюда такой неиссякаемый поток различных текстов (включая диссертационные сочинения, как кандидатские, так и докторские), в которых через анализ языкового материала исследуются так называемые фрагменты концептосферы человека.

Другой принципиальный вопрос, остающийся без ответа, – «антиномия» эмпирического и менталистского в базовых установках когнитивной лингвистики. С одной стороны, это направление противопоставляет себя структурализму как переориентированное на эмпирическую перспективу («лингвистика речи, а не языка»). Лингвисты-когнитологи постоянно подчеркивают, что ориентируются не на абстрактные инварианты, а на живую речь с ее контекстуальным варьированием, позволяющим открывать те нюансы, которые играют решающую роль в раскрытии ментальных основ языка. Предлагаемые концепции семантики и синтаксиса направлены на соединение индивидуальных вариантов с общей когнитивной базой. Показательно в этом отношении стремление представить в качестве первичного уровня семантизации телесный («доконцептуальный») опыт человека. С другой стороны, когнитивная лингвистика – образец менталистского подхода к языку. Ее основоположники относят к важнейшим характеристикам этого направления его «антиобъективизм». В классических трудах, заложивших новую парадигму, невозможно найти ни экспериментальных, ни корпусных исследований, которые отвергаются принципиально, поскольку значение – центральная категория когнитивной лингвистики – рассматривается только в контексте психики субъекта, доступ к которой возможен исключительно через интроспекцию и интуицию рефлексивного исследователя. Только эти методы дают непосредственный доступ к значению. Ни корпус текстов, ни результаты эксперимента не обеспечивают такого доступа, а потому отвергаются (хотя последнее десятилетие отмечено поиском компромиссов, предлагаемых новыми членами когнитивного сообщ-

щества). Эта проблема не ставится в отечественной науке даже в самом общем виде, не говоря уже о дискуссиях, связанных с такими нюансами, как разграничение объективизма в отношении окружающего мира и в отношении значения. Например, в отечественных работах Ж. Фоконье легко уживается на одних страницах и в одних теоретических построениях с А. Вежбицкой. В связи с отсутствием философской рефлексии коренные различия между их теориями просто не осознаются.

Основная цель

Один из создателей «Краткого словаря...» В.З. Демьянков, рассуждая об основных целях когнитивной лингвистики, выдвигает на первый план системное описание и объяснение механизмов человеческого усвоения языка и принципы структурирования этих механизмов, изучение репрезентации ментальных механизмов освоения языка, а также продуцирования и восприятия речи [2]. По-видимому, здесь либо смешиваются компетенции лингвиста и психолога (в системе когнитивных наук), либо слишком вольно проецируются на когнитивную лингвистику установки функционального подхода. Усвоение, продуцирование и восприятие – важнейшие и интереснейшие для исследования процессы, однако они крайне редко попадают в поле зрения лингвистов-когнитологов (как в России, так и за рубежом). Когнитивная лингвистика отличается преимущественным вниманием не к процессам и процедурам, а к объектам и структурам (конструкциям). Даже когда в модели, выстраиваемые лингвистами-когнитологами, включаются процедуры, их представление сводится к перечислению списка тривиальных операций с ментальными объектами, направленных на установление совместимости различных свойств устойчивых структур знания. Несопоставимо детализировано при этом само устройство этих объектов разной степени сложности и схематичности (абстрактности).

Разумеется, жесткой несовместимости между ментальными процессами и объектами нет. В принципе, ничто не мешает представить операции, производимые при интеграции ментальных пространств в модели Ж. Фоконье или при проекции между разными доменами в теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа, в форме хранящихся в памяти паттернов, а паттерны – в форме операции. Однако когнитивная лингвистика – в частности устами Р. Ленекера [9: 63–64] открыто заявляет об отказе от процессуального взгляда на грамматику, что отчасти можно объяснить ассоциированием правил и процедур с порождающей грамматикой Н. Хомского, через жесткую критику которой проходило становление этого направления.

Е.С. Кубрякова, идейный лидер отечественной лингвистической когнитологии, считает основной целью когнитивной лингвистики постановку «в соответствие каждой языковой форме ее когнитивного аналога, ее концептуальной или когнитивной структуры (объясняя тем самым значение или содержание формы через определенную когнитивную структуру,

структуру мнения или знания)», а затем объяснение «причин выбора или создания данной «упаковки» для данного содержания» [3: 16].

Очевидно, что такая формулировка еще раз подтверждает идею своеобразия пути отечественной версии когнитивной лингвистики. По сути, автор предлагает рассматривать язык как совокупность форм, что созвучно идеям психолингвистических концепций середины прошлого века. Многие современные теоретические построения в языкознании производились через преодоление такого атомизма и отказа от аддитивного толкования устройства языка. Все большей популярностью пользуются в последние десятилетия концепции, в которых значение рассматривается как продукт согласованной работы если не всей концептуальной системы, то крупных ее фрагментов, взаимодействующих между собой. Именно такая позиция четко сформулирована в уже ставших классическими работах основоположников когнитивной лингвистики за рубежом.

В том же русле находится предложение о поиске соответствий между языковыми и ментальными единицами. Попытки обнаружить стабильный ментальный коррелят отдельной языковой единицы больше характерны для формальной семантики начала XX века. Сегодня во многих школах установка на изоморфизм языкового и ментального успешно преодолевается, и теории когнитивной лингвистики – яркий пример такого преодоления.

Что же касается предложения о поиске мотивирующей связи между словом и мыслью (кстати, не ясно, почему автор полагает, что «упаковка» выбирается под «данное содержание?»), то этот проект по своему масштабу может быть, пожалуй, только русским, но обсуждать его уместней за пределами научных дискуссий.

Представляется, что сведение цели когнитивной лингвистики (в ее западном варианте) к работе с концептами существенно снижает уровень установок, задаваемых ее основоположниками. Один из ее лидеров, Р. Ленекер, выражая свою неудовлетворенность современными теориями, ставит под вопрос сами базовые организующие принципы науки о языке. Он полагает, что «концептуальные основания лингвистики стоят на зыбучем песке, и единственный способ решить проблему – начать строить ее на более прочном фундаменте» [9: v]. Другими словами, когнитивная лингвистика в лице одного из самых авторитетных представителей претендует на построение новой модели языка. По своей революционности эта цель несопоставима с тем, что предлагают отечественные авторы.

Разумеется, о том, насколько «зыбучи» пески, служащие фундаментом для структуралистских концепций, можно спорить.

С одной стороны, всякие попытки найти коррелят для традиционных иерархических моделей языка показывают, что ни в речевых действиях носителя языка (в эмпирических фактах), ни в его языковой способности (фактах получаемых через интроспекцию) обнаружить его невозможно. Рядовой носитель языка не испытывает затруднений в порождении речи, не имея при этом представлений о парадигмах и категориях, устанавливаемых

лингвистами, и не догадываясь о существовании инвариантов разного уровня. Структуралистские модели – теоретические конструкты, представляющие знание о языке, но не имеющие отношения к знанию языка.

Преыдущая – сосюррианская – революция в языкознании состоялась, таким образом, в деонтологизации языка («не объект задает взгляд, а взгляд задает объект»), позволившей при осознании его онтологической включенности в социальную и психическую жизнь человека строить лингвистическую модель языка как эпистемологически автономного объекта. Для этого субъективная интуиция носителя была заменена «объективным» методом оппозиций, что позволило исключить субъекта речи из теории (фонема – не узнаваемый носителем минимальный фрагмент речи, а пучок выявленных в оппозициях дифференциальных признаков, значение – не содержание сознания, связанное с единицей языка, а совокупность грамматический и семантических оппозиций, в которые она вступает, и т.п.). Поскольку структурные модели не связаны ни с позитивным, ни с интуитивным опытом носителя языка, заявление о «зыбучих песках», казалось бы, вполне обоснованно.

С другой стороны, никакое другое направление пока не предложило принципиально альтернативной модели устройства языка. В частности, так называемая антропоцентрическая лингвистика в самых разных ее формах продолжает работать с теми же уровнями, не мысля язык вне фонем, морфем, лексем и синтаксических конструкций, а лишь изменяя трактовки их устройства и функционирования. Когнитивная лингвистика, чтобы претендовать на роль и значимость, сопоставимую со значимостью структурализма, должна создать собственную модель.

В основополагающей работе одного из отцов когнитивной лингвистики Дж. Лакоффа [8] представлены два основания для построения такой модели. «Внешнее» основание связано с установкой на согласование общих принципов модели с научными представлениями о работе мозга и разума, сформулированными в других дисциплинах, входящих в сферу когнитивистики, – в философии, психологии, исследованиях искусственного интеллекта, нейронауках (*cognitive commitment*). Модель языка должна отвечать в своем устройстве общим принципам познавательной деятельности человека. «Внутренне» основание нацеливает исследователей на поиск общих принципов, лежащих в основе всех аспектов языка (*generalisation commitment*). Когнитивная лингвистика отвергает существование принципиальных различий между уровнями/модулями, как, впрочем, и саму модульную систему. Она стремится к раскрытию общих принципов организации, которые связаны с функционированием языка в качестве когнитивного механизма (категоризации, метафоризации и т.п.). Разные аспекты модели языка подчиняются единым структурирующим принципам. Эта установка вполне соотносима со структуралистским постулатом изоморфизма уровней, однако на смену структурному изоморфизму приходит идея изоморфизма содержательного. Соединяя лексику и грамматику в единый

континуум в рамках единой теории лексико-грамматических структур, когнитивная лингвистика стремится продемонстрировать, как все компоненты модели – в морфологии, в лексике, в синтаксисе – могут участвовать в решении когнитивных задач.

Постановка такой цели придает когнитивной лингвистике особый революционный дух, который утрачен в ее российской версии. Прделанный анализ позволяет заключить, что когнитивная лингвистика в России в большей степени подходит под определение распространенного в экономической науке понятия «бренд», чем под определение научной школы или парадигмы. Развитие этого проекта идет не через философско-методологическую рефлексию и не через попытки построения оригинальной теории или модели языка, а через массивное порождение текстов разного уровня сложности, в которых некритически используется терминология, представленная в свое время научной общественности России в «Кратком словаре когнитивных терминов». Наукообразное использование этой терминологии, а также тщательное соблюдение алгоритма институционализации новой науки (создание всей необходимой атрибутики – от тематических сборников научных трудов до региональных отделений ассоциации) вполне соответствуют типичной тактике создания и продвижения бренда – имиджа, которому его создатели приписывают некоторые ценности и затем поддерживают их в глазах широкой аудитории. Когда же производится попытка вписать этот бренд в научную конъюнктуру, возникают существенные противоречия, отчасти представленные в настоящем тексте.

Думается, что работа в русле настоящей (западной) когнитивной лингвистики помогли бы найти себя многим молодым ученым, а понимание идеи, знания о достижениях и проблемах, конструктивные дискуссии могли обогатить любого специалиста в области языкознания, повлиять на его понимание языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–36.
2. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
3. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6–17.
4. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
6. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. – М., 1998. – Вып. 36. – С. 274–323.
7. Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Изв. РАН. СЛЯ, 2000. – Т. 59. – № 3. – С. 3–15.

8. Lakoff, G. The invariance hypothesis: Is abstract reason based on image-schemas? // *Cognitive Linguistics*. – 1990. – Vol.1 (1). – Pp. 39–74.
9. Langacker, R. W. *Foundations of cognitive grammar*. – Volume I: Theoretical prerequisites. – Stanford: Stanford University Press, 1987.

М.Е. Федотова

СУФФИКС -IN: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

„ ... die historische diachrone Perspektive hilft uns < ... > die Besonderheiten der Sprache von heute zu erklären und gegenwärtige Entwicklungstendenzen zu durchschauen.“

Astrid Stedje

Немецкий язык, как и большинство индоевропейских языков, относится к группе языков, в которых лексико-грамматическая категория рода занимает особое место. Одним из наиболее репрезентативных участков номинативной системы, построенных по принципу дихотомии естественного пола, является группа наименований лиц. Спецификация признака пола в группе мужских и женских номинаций происходит при помощи морфолого-словообразовательных и лексико-семантических показателей.

На протяжении многовековой истории немецкого языка деривационная категория *nomina feminine* формировалась, прежде всего, за счет средств суффиксального словообразования, т.е. путем мовирования наименования в форме мужского рода. Арсенал словообразовательных суффиксов, участвующих в создании женских наименований на базе имен мужского рода, весьма ограничен и включает в себя автохтонный суффикс *-in* (*Herzogin*), заимствованные суффиксы *-e* (*Garderobiere*), *-ess* (*Stewardess*), *-euse* (*Friseuse*), *-ice* (*Aktrice*), *-ine* (*Heroine*), *-esse/-isse* (*Diakonisse*), а также «составной» суффикс *-essin /-issin*, возникший в результате слияния заимствованного *-isse* и немецкого *-in* (*Äbtissin*).

В обширном и относительно стабильном фонде словообразовательных средств немецкого языка суффикс *-in*, специализирующий признак пола в группе наименований лиц женского пола, обладает уникальным статусом и сочетает в себе весьма противоречивые характеристики.

- Суффикс *-in* полифункционален и обладает широкими сочетаемостными возможностями при комбинировании с основами мужского рода, что обеспечивает данной словообразовательной модели неизменно высокую продуктивность на различных этапах развития языка. Существующие в современном языке единичные ограничения структурного и семантического характера (несовместимость с автохтонными суффиксами мужского рода, субстантивированными прилагательными и причастиями, некоторыми основами, блокирование синонимов) [7: 183] легко снимаются в процессе об-